

Д. и. н., зав. отд. СОИГСИ
С.А. Айларова

«Промышленная предприимчивость... не чужда духу этого народа...» (Султан Хан-Гирей о хозяйственной деятельности адыгов)*

С.А. Айларова

Творчество выдающегося адыгского ученого, писателя и политического деятеля первой половины XIX века Султана Хан-Гирея составляет славную страницу в истории общественной мысли Северного Кавказа. Огромное количество проблем и реалий жизни адыгских народов освещаются в его трудах. Немалое место занимают в них вопросы экономического развития и хозяйственной жизни адыгов. Многие из них дают ключ к пониманию и выявлению тех социально-экономических изменений, которые происходили в адыгских обществах в первой половине XIX века, позволяют определить качественное состояние и уровень развития этих процессов. Ценность работ С. Хан-Гирея заключается не только в описании уровня развития хозяйства, но и в том, что он сумел вскрыть основные причины, негативно влияющие на хозяйственное развитие адыгов, выдвигал конкретные предложения, которые могли бы обеспечить преодоление экономической отсталости.

Родившись в семье пророссийски настроенного бжедугского князя (1808 г.), он в довольно юном возрасте, после смерти отца, попал в распоряжение командира Отдельного Кавказского Корпуса генерала А.П. Ермолова, который «занялся юным Гиреем», поручив его директору местной гимназии.

Выпускник кадетского корпуса Хан-Гирей участвовал в русско-иранской (1826–1828 гг.) и русско-турецкой войнах (1828–1829 гг.), где был награжден серебряной медалью. После службы в лейб-гвардии Черноморском эскадроне Хан-Гирей был переведен в лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон, где проходили службу Ш.Б. Ногмов, С. Казы-Гирей, М. Кодзоков (Д. Кодзокова**) и др. Вся его короткая жизнь была связана с этим полуэскадром, где он дослужился до чина полковника, стал флигель-адъютантом и командиром Кавказско-горского полуэскадрона [1].

Проявив себя не только храбрым офицером на поле брани, но и широко мыслящим общественным и политическим деятелем, патриотом Кавказа и России, он задумывается над тем, как обеспечить это присоеди-

нение мирными средствами. С этой целью он пишет по поручению императора Николая I свой историко-этнографический труд «Записки о Черкесии» [2].

За семь лет научной и литературной деятельности он написал еще несколько работ, в том числе «Черкесские предания», «Мифология черкесских племен», «Беслый Аббат», «Наезд Кунчука» и др.

Хозяйственно-экономические воззрения Султана Хан-Гирея формировались под воздействием передовой европейской и русской общественной и экономической мысли. В его трудах можно проследить следы влияния самых разных экономических теорий первой половины XIX в. – от славянофилов до физиократов [3]. Усваивая их, он перерабатывает европейские просветительские идеи в том духе, который ему диктует северокавказская действительность того времени. Он отстаивает частную собственность, индивидуальную инициативу, ратует за воспитание у горских народов культа честного труда и усвоение новых форм хозяйственной деятельности: торговли, европейских ремесел, добычи полезных ископаемых и строительства перерабатывающих предприятий. В то же время он сторонник сословного неравенства; из общей массы народа он выделяет родовитое дворянство, которое кроме политических привилегий должно обладать и экономическими преимуществами.

Так, С. Хан-Гирей возлагал определенные надежды на наделение князей и дворян земельными участками, предлагая дать «в собственные потомственные владения ...земли, на которые могли быть поселены собственные их люди (крестьяне разных подразделений)» [2, с. 318]. Таким образом, адыгское дворянство превращалось в подобие русских помещиков. Свободные крестьяне-общинники «должны довольствоваться общественной землею, которая им всем будет составлять важную собственность» [2, с. 318]. Оформление права частной собственности адыгской знати на землю должно было, по мысли Хан-Гирея, способствовать ее включению в социально-экономическую систему Российс-

* Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-01-37102 а/Ю).

** Отец реформатора и просветителя Кавказа Д.С. Кодзокова

кого государства. Проведение этих преобразований принесло бы социальный мир и экономическое процветание на Северный Кавказ: «...народ будет доволен, коль скоро не будет более угнетаем прихотями высшего класса и феодальной его властью» [2, с. 318].

Хозяйственные проблемы и экономические перспективы адыгских народов – в центре внимания основного труда С. Хан-Гирея «Записки о Черкесии», где второе отделение второй части книги называется «Промышленность». Здесь Хан-Гирей дает интересные сведения об уровне развития земледелия и скотоводства, крестьянских промыслов и ремесла.

Переход народа от кочевничества к оседлости, навыки земледелия у адыгов уходят, по мнению Хан-Гирея, в глубокую древность. Затрудняясь определить, «...когда этот народ перешел от пастушеского состояния к состоянию земледельца», он лишь отмечает ее традиционный характер, то, что хлебопашество введено в Черкесии с весьма давних времен» [2, с. 241]. На это указывают и фольклорно-этнографические данные: «В описаниях божеств мифологии этого народа мы видели, что в Черкесии чтили некоего Созереша, покровителя хлебопашества и ему в известное время приносили благодарственные молебствия» [2, с. 241].

Хан-Гирей констатирует, что «черкесы... не могут заниматься как должно земледелием, хотя прекрасная их почва как бы имеет право требовать большего к себе внимания; поэтому и все их успехи в земледелии весьма ограничены...» [2, с. 240]. Ведь для того чтобы земледелие на Кавказе процветало как в Европе, необходимо сочетание целого ряда условий: высокой культуры и интенсивности труда, стимулирующей конкуренции («похвальное соревнование помещиков») и, наконец, помощи правительственных программ («благодетельное попечение правительства»).

Земледелие, приносящее «собой изобилие, может только усовершенствоваться постоянною рачительностью и улучшением земледельческих орудий, которые до высокой степени совершенства достигают лишь через долговременный опыт. К тому благодетельные попечения правительства распространяют земледелие и похвальное соревнование помещиков, которым оно приносит важные выгоды, дают этому источнику народного благосостояния прочное и совершенное ос-

нование» [2, с. 240]. К сожалению, всех этих условий нет на его родине: «Черкесы... чуждые всего этого».

В хозяйстве адыгов Хан-Гирей находит много отсталости и рутины. Основными орудиями полеводства у адыгов были большие и малые плуги. Черкесы, жившие на плоскости, пользовались бороной, большими деревянными плугами, в которые впрягали четыре пары волов и управляли ими, как правило, три человека. «Жители же ущелий и гор, – пишет Хан-Гирей, – не имеющие привольных домен для хлебопашества, имеют другого рода плуг, а именно малый и запрягаемый в одну пару волов» [2, с. 241]. Этим же плугом пользовались адыги, живущие на равнине, но лишь при распахивании огородных участков.

Одним из важных наблюдений Хан-Гирея о хозяйственной жизни адыгов является то, что он сумел показать отличительные черты хозяйства в разных районах. Хан-Гирей писал, что в горах земледелие было развито в меньшей степени, чем на плоскости. «Те из жителей гор, – писал он, – которые не имеют удобных мест даже и для пахання этими маленькими плугами, обыкновенно раскапывают землю особого рода железными лопатками, имеющими вид топорика; в этих местах по причине беспрестанного употребления почва делается чрезвычайно мягкой и нередко употребляют и унавоживание, что вовсе неизвестно жителям равнин» [2, с. 241]. Несмотря на сдвиги в тех-

Султан Хан-Гирей

нологии земледелия (удобрение земли), незначительные участки земли, удобные для возделывания хлеба, не обеспечивали потребность жителей гор в хлебе, и они получали его в основном из равнины. Неизменная технология поддерживалась натурально-потребительским характером земледелия, ориентированного на удовлетворение неизменных потребностей и простое физическое выживание. «Вообще черкесы стараются сеять и собирать хлеба лишь столько, сколько им потребно для продовольствия до будущей жатвы, отчего, не имея запасов, в случае неурожая подвергаются всем ужасным последствиям голода» [2, с. 241].

Застойное земледелие он объясняет неразвитостью обменов, замкнутостью всего хозяйственного цикла у адыгов. «Нерадению» адыгских крестьян «немало служит и то обстоятельство, что у них нет удобного сбыта хлеба посредством торговли, которая бы поощряла трудолюбие селянина». Одно из адыгских племен обнаруживало «привязанность к хлебопашеству» именно бла-

годаря возможностям торговли с турками в Анапском порту, «куда возили они хлеб на продажу этим последним» [2, с. 241].

Весьма развито было у адыгов приусадебное огородничество: «Каждый порядочный хозяин имеет обыкновенно огород около своего дома, где засевают он всякого рода огородные растения». По контрасту со сведениями иностранных авторов о развитом садоводстве, С. Хан-Гирей находил эту отрасль глубоко деградировавшей – адыги «не имели никакого понятия о садоводстве... и довольствуются дикими плодами, которыми избилуют их леса» [2, с. 242].

С древних времен адыги занимались скотоводством. «Они занимаются скотоводством, – пишет Хан-Гирей, – и во времена идолопоклонства чтили каких-то богов – покровителей скотоводства, чем доказывается с сколь давнего времени они занимались скотоводством». Со страниц «Записок о Черкесии» встает впечатляющая картина адыгского животноводства: здесь и разведение лошадей, коров, буйволов, овец, коз. «Рогатый скот, разводимый черкесами, мелок, но сложен хорошо, сносен для работы», а коровы «весьма обильны молоком».

В хозяйстве крестьянина рогатый скот занимал исключительное место – с его помощью производились все сельскохозяйственные работы, ибо у адыгов «нет употребления впрягать лошадей». «Вообще рогатый скот необходим в жизни черкеса как для мяса и молока, так равно и для работы; также и из кожи этого животного делают поселяне обувь, а наездники сбрую конскую».

Отсюда – «довольно попечений» о содержании скота: его содержат зимой в теплых хлевах и «кормят трижды в день сеном». Для летнего времени держали специальные летние хлева; большую скотину также держали в особом хлеву.

«Довольно попечений» адыги уделяли также овцеводству. Овца имела большое значение в жизни всех северокавказских народов – «из овечьей кожи делают они шубу, единственную свою защиту от стужи, а из волны ткется сукно»; «баранье мясо предпочитается мясу всех других животных...» и «почитается... за особо благородную пищу» [2, с. 243].

Однако в целом адыгские племена «не богаты большими стадами овец», исключая «кабардинцев, бесленевцев и махашевцев, которые имеют довольно большие стада». Ограничивалось разведение овец во многих, особенно горных, местностях недостатком кормов. Черкесы, живущие в горах (абадзеи, шапсуги и т.д.), в основном разводили коз. Козы могли пользоваться такими горными пастбищами, которые даже для овец труднодоступны, могли кормиться в лесу ветвями деревьев. Поэтому их разведение в горных местах было наиболее выгодно.

Но с особым интересом Хан-Гирей характеризует традиции адыгского коневодства. Не секрет, что кабардинская лошадь славилась в России высокими качества-

ми породы. «Превосходство черкесских лошадей для верховой езды описывать было излишне, – пишет он, – кто из господ русских офицеров, хоть бы раз бывавших в походе, кто из коннозаводчиков не убедился опытом, что лошадь черкесская есть верх совершенства относительно способностей, нужных для бега и для перенесения трудов. Сверх того, черкесские лошади сложены довольно хорошо и очень крепки» [2, с. 244, 245].

С множеством подробностей и деталей описывает Хан-Гирей тот тщательный уход, благодаря которому формируется и воспитывается знаменитая лошадь. «Удивительно, с какою неумимостью и тщанием черкесы содержат верховых лошадей: дважды в году они откармливают своих любимых коней: летом при наступлении жаров и зимою при наступлении стужи. Откармливаемую летом лошадь ставят в конюшню, со тщанием обмазанную глиною и темную, чтобы мухи не беспокоили лошадей, в ней содержимых... Каждое утро моют хвост, ноги, брюхо и вообще со тщанием чистят лошадь, что делается в день дважды» [2, с. 245, 246]. Лошадь откармливается чистым зерном – «черкес... скорее сам согласится быть голоден, чем лошадь свою допустит до этого». Даже представители высших сословий, не снисходящие до какой-либо физической работы, «собственными руками нередко обчищают копыта своих лошадей и моют их гривы мылом и куриными яйцами, хотя бы их окружала толпа слуг, готовых это выполнить» [2, с. 246].

Однако система хозяйствования адыгов, складывавшаяся веками и, казалось бы, гармонично приспособленная к природно-климатическим условиям местности, оценивается в итоге Хан-Гиреем достаточно критически. Она удовлетворяет само традиционное адыгское общество, но обнаруживает весьма низкий уровень в сравнении с экономикой и хозяйственными навыками современных Хан-Гирею передовых народов Европы. Таких критических замечаний у Хан-Гирея можно найти множество. Например: «Черкесы... не радуют о скотоводстве, подобно другим народам, хотя страна, ими занимаемая, богата привольными пастбищами»; или: «Черкесы... не прилагают больших попечений об улучшении и разведении разных пород скота, и если у них некоторые из них, как-то: овцы, а в особенности лошади, превосходны, то это должно приписать более тучности земли и благорасположению климата их страны, нежели попечению владельца» [2, с. 246].

И, пожалуй, для Хан-Гирея ясны причины такого отставания от «просвещенной Европы» – это прежде всего низкий культурный статус труда в адыгском обществе. По этому поводу он бросает замечания о черкесах, «чуждых хозяйственного труда», и сетует на то, что «господствующий класс в Черкесии считает земледельческие работы постыдными для своего сана». Ведь даже те огромные заботы, которые кладутся на то, чтобы выводить и выкормить породистую лошадь, направлены не на то, чтобы с этим благородным животным за-

няться производительным трудом – «наездники пускаются искать на ней опасностей, славы и добычи в удалстве» [2, с. 246].

Из домашних промыслов наиболее развиты и «производят превосходные изделия» те, что связаны с военно-феодальным укладом жизни. «Всегдашняя военная жизнь черкесов усовершенствовалась и искусство их во всем, что касается до оружия, – пишет он, – вечная опасность, вечная война и военное тщеславие заставляют их всегда помышлять об устройстве, красоте, удобности и ловкости оружия. И действительно, они до этой цели достигли вполне. Всякое лучшего достоинства оружие черкеса, нужное для военной его жизни, носит особенную печать изящного вкуса, прочности, красоты, соединенной с удобностию для употребления» [2, с. 250]. Адыги даже сами изготавливали порох, технология изготовления которого подробно описывается Хан-Гиреем.

Кроме того, и другие адыгские просветители сообщают о ремесленных занятиях «всякого рода, какие только им (адыгам. – С.А.) потребны для ограниченного круга их надобностей». Так, Шора Ногмов пишет о развитом кузнечном производстве: «Древние адыге, имея некоторое понятие об искусствах, вырабатывали из собственного железа и меди котлы, топоры, ножи, сошники, косы и серпы» [4]. И хотя адыги, как отмечает Хан-Гирей, «не имеют никаких фабрик, заслуживающих это название, и всякий мастер или мастерица работает у себя на дому», но они «по справедливости должны быть причислены к тем необразованным народам, которых рукоделия заслуживают удивления». Он указывает на великолепное искусство вышивки золотом и серебром, которым «отличаются женщины высшего класса», изготовление бурок, войлоков и полстей.

Хозяйство адыгских народов включало также рыболовство, пчеловодство, звероловство. Пчеловодство было хорошо поставлено и приносило «чрезвычайно много пользы». Мед и воск потребляются в домашнем быту, а также «с выгодой продаются» [2, с. 246]. Звероловство, по мнению Хан-Гирея, «не обращает на себя надлежащего... внимания». «Приносящее северным народам великие богатства», оно и адыгов могло «обогащать... весьма важною торговою статьею». Однако, ввиду стойкого предубеждения против занятий торговлей, для феодалов «ловить зверей для продажи их мехов считается постыдным». Крестьянство же мало занимается этим промыслом, поскольку «торговля мехами, будучи незначительна, не поощряет надлежащим образом жителей к звероловству» [2, с. 247].

Главным препятствием в деле укрепления экономического благосостояния адыгских (и всех северокавказских) народов С. Хан-Гирей видит в отсутствии государственности, гражданского правопорядка, господстве феодальной междоусобицы и анархии. Не могло быть процветающего земледелия и скотоводства там, где

«...земледелец под защитою ружья обрабатывает свою землю» и где мирных крестьян поджидает «непрестанная опасность, сопровождающая их в течение всей жизни» [2, с. 242].

Тем менее в условиях войны и постоянных набегов могла процветать торговля. «Торговля, – пишет Хан-Гирей, – один из величайших источников богатства народного, конечно, не может быть обширна и значительна там, где нет спокойствия и тишины, где все подвержено буре войны и где насилие знатного воина лишает слабейших собственности; следственно, и в Черкесии не может быть обширной торговли в настоящем положении там и дел и образа жизни» [2, с. 250]. Небольшие торговые обороты с казачьими станицами и на рынках вдоль Кавказской линии из-за отсутствия денежной системы носили меновой характер. «Черкесы не имеют собственных денег, да и чужестранных серебряных и золотых монет у них весьма мало в обращении. Вообще они эти деньги принимают лишь как драгоценный металл, и вся их торговля производится посредством мены» [2, с. 251].

Если со стороны адыгов в обмен шли товары местного производства – меха, кожи, мед, воск, масло, а также строительный лес, то со стороны России – изделия русской промышленности – ткани, галантерея, посуда и утварь, соль [2, с. 251].

Для меновой торговли в нескольких населенных пунктах – Моздоке, Екатеринограде, Прочноокопе, Бугазе – устроены «так называемые меновые дворы с карантинными для очищения товаров от зачумления». Однако мена, «при них производимая, весьма незначительна», кроме того, меновые дворы действовали непостоянно, а то и вовсе закрывались [2, с. 251].

Необходимы, по мысли Хан-Гирея, энергичные меры по развитию торговли и ремесленного производства, формированию определенной категории работников, которые могли бы этим заниматься профессионально. Например, «создать в Черкесии из черкес же сословия купцов и ремесленников постоянных», ибо «промышленная предприимчивость... не чужда духу этого народа» [2, с. 322]. Для этой деятельности подойдут свободные крестьяне – «из простого независимого класса вольных земледельцев избрать людей, способных к торговым оборотам, преимущественно тех, которые и до того времени занимались таковыми». Для того, чтобы такая торговля набрала обороты, ей необходима правительственная финансовая поддержка. «Дать им товары сначала на мало-важную сумму для закупки предметов торговли, обязав их доставлять в назначаемые им места закупленные товары для отправления в Россию, предоставляя им значительные выгоды от подобных торговых оборотов так, чтобы они могли составить себе капиталы, хотя незначительные, разумеется, причем должны соблюдать интересы казны и обеспечивать суммы, отдаваемые этим новым купцам» [2, с. 322].

Для увеличения и разнообразия товаров он предлагает предоставить средства в виде инструментов и материалов адыгским ремесленникам, с тем чтобы они также могли составить себе капиталы. Места поселения купцов и ремесленников в будущем «превратятся в цветущие города», что будет «способствовать к ящему освоению туземцев с гражданственностью».

Хан-Гирей пишет о необходимости строительства экономико-административного центра, который станет для живущих в нем адыгов «окном в Европу», укрепит связь северокавказских народов с Россией. Друг Хан-Гирея, адыгский просветитель Султан Казы-Гирей также предлагал построить на реке Лабе аул, который будет центром торговли, местом информации о событиях в мире и в адыгских обществах, станет местом «для постепенного введения европейской образованности» [1, с. 158]. В таких центрах торговли адыги будут вовлекаться в коммерцию, общаться с предприимчивыми народами, которые, по мысли Казы-Гирея, будут указывать «горцам сначала на некоторые из местных богатств, которые они могут употреблять при меновой торговле, потом на богатства, которые племя, владение или целый народ может отдать на откуп предприимчивому человеку» [1, с. 159]. Торговля, считал Казы-Гирей, «всегда была первой ступенью к образованности». «Записки» Казы-Гирея, представленные наместнику Кавказа князю М.С. Воронцову в 1846 году, предусматривают принятие ряда мер, способствующих развитию русско-адыгских торговых отношений. Он предлагал снять карантинные ограничения, поощрять частных торговцев, «вызвать в станицы Лабинскую и Темиргоевскую торговцев для распространения меновой торговли и стараться всячески облегчить ее для горцев» [1, с. 157].

Для приобретения профессиональных навыков будущих купцов и ремесленников, считает Хан-Гирей, надо направить в Россию – здесь они «сделаются искусными в торговых оборотах». Знакомясь с новым укладом жизни, с русской культурой, с российскими городами, они, «видя... дивные произведения искусства Европы, фабрики и другие заведения, сами, занимаясь там работами, совершенно привяжутся к цели своего назначения». Таким образом, эти пионеры торговли отсталого края, «обогащая себя, обогатят и своих соотечественников и послужат немаловажным орудием... посеяний в Черкесии плодов гражданственной жизни» [2, с. 322, 323].

Государственность и гражданский порядок – вот гаранты будущего экономического преуспеяния и торговой активности адыгских народов. И Хан-Гирей не устает повторять, что «народ черкесский, одаренный от природы многими способами ума и духа, склонен... к торговле и что с искоренением вредных предрассудков и водворением благодетельной тишины в земле черкесов, в земле прекрасной, изобильной предметами торговых оборотов, конечно, и торговля закипит и

процветет по маню мудрого устройства порядка и управления» [2, с. 253].

При условии развития гражданственности на этой многотрадной земле возможно будет и «устроенные солеваренных заводов», и «собираение и сбыт нефти, и заведение фабрик и заводов» [2, с. 324]. Прекращение кровавого беспредела междоусобиц и набегов, изнуряющих «эту прекрасную, но от беспорядка несчастную землю», откроет новую цивилизованную эру для адыгских народов, для любимой Хан-Гиреем Черкесии. Он понимает, что для его поколения это счастливое время еще не наступит, но «дети наши наслаются этим счастьем» [2, с. 253].

Огромный интерес к нововведениям в хозяйствовании адыгов, и вообще к экономической деятельности, С. Хан-Гирей заимствовал у отца, Магмет-Гирея, который искал пути улучшения благосостояния своего народа. Бжедугский владетель Магмет-Гирей отходил от устоявшегося в сфере адыгской знати способа обогащения за счет «дани», и искал возможности и средства от торговли и сельскохозяйственного производства, внедрения новых технологий (строительства мельниц, развития водных путей), а также увеличения экспорта товаров народного промысла и продуктов сельского хозяйства и охоты. Отсюда его политическая ориентация на Россию, поскольку для занятий хозяйственной деятельностью в России была более спокойная атмосфера жизни.

На правом берегу Кубани у Магмет-Гирея был большой хутор, где на плодородной земле выращивалось просо, разводились буйволы, верблюды, табуны коней. По примеру армянских купцов и при их помощи он налаживал собственную торговлю между Россией и Адыгеей. За Кубань он отправлял соль, добываемую в Гривенском соляном озере, мануфактуру, красную кожу, железо-скобяные товары, которые ему привозили из Нахичевани. В донские станицы он отправлял на продажу лошадей [5].

Аналогичное мнение о миротворческой роли торговли в русско-адыгских отношениях высказывали и некоторые русские передовые деятели на Кавказе. Развитие торговли с горцами – необходимое условие для привлечения их на сторону России, считал начальник Черноморской береговой линии Н.Н. Раевский. В записке «О торговле с горцами и переселении на Восточный берег» Раевский не только обосновывает необходимость торговых связей с горцами, но и дает конкретные предложения для ее развития. Подчеркивая безынициативность русских купцов, он просил правительство поощрять развитие торговли на берегах Абхазии и Черкесии, предоставить русским купцам, ремесленникам, желающим переселиться на Восточный берег, определенные льготы, в частности он предлагал освободить купцов на 25 лет от платы всех податей, отбывания рекрутской и других повинностей, разрешить им приобрести на местах собственность, даже землю у горцев

[6]. С целью придать русско-адыгским торговым связям твердую основу Н.Н. Раевский при осуществлении мены требовал «... строжайшую справедливость, обходиться с ними (горцами. – С.А.) как можно ласковее и немедленно удовлетворять все основательные жалобы горцев» [6, л. 3].

Торговлю, как важный фактор в деле экономического освоения Кавказа, выделяет и известный художник России Г.Г. Гагарин. Он впервые побывал на Кавказе в 1840 г. в составе Временной комиссии, работавшей под начальством барона Гана. После вторичного посещения Кавказа Г.Г. Гагарин 27 декабря 1844 года написал письмо на имя военного министра графа А.И. Чернышева, где он высказывает свои соображения «относительно приведения к покорности горских народов, на Кавказе обитающих». По мнению Гагарина, для развития русско-кавказских отношений недостаточно заинтересованности одной лишь России. «Необходимо, чтобы выгода, если мы допускаем ее, была бы взаимная, – пишет он, – надо чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько мы в его удержании. Достигнуть этого можно одною торговлею» [6, лл. 6–6 об.]. В самом деле, торгово-экономические связи России с Кавказом были важнейшими каналами для проникновения передовых методов ведения сельского хозяйства, обуславливали дальнейшее экономическое развитие кавказских народов и, несомненно, способствовали сближению кавказских и русского народов.

Часто российская власть и общественность рассматривали вовлечение горских народов в торговлю как меру скорее воспитательную, просветительскую, а не экономическую, поскольку хозяйствование горцев подчас не отвечало даже скромным требованиям торгового оборота. В начале 40-х гг. правительство России ставило

перед собой задачу «стремиться к тому, чтобы снабжать горцев нужными им предметами за полцены и платить сколь возможно дороже за их произведения» [7]. Так, начальник Черноморской береговой линии генерал И.Р. Анреп, обосновывая необходимость столь «неполноправной» для России торговли с горцами, писал в проекте развития торговых отношений с адыгскими народами, что в качестве «единственной» цели видит то, что «... торговля должна служить *едиственно* способом к укрощению нрава горцев; она должна возбудить в них новые нужды и заставить их заниматься мирными промыслами для произведения предметов, служащих к вымену нужных им товаров» [7]. Вовлечение горцев в производительный, созидательный труд, придание ему черт престижности в сравнении с воинской добычей, получаемой в набегах, должно было сформировать новый «мирный» характер северокавказских народов, новые этические ориентации. Генерал И.Р. Анреп писал, что «... труд и честно добываемый хлеб будут иметь хорошее влияние на нравственность этого народа и из полукочевых разбойников сделают оседлых хлебопашцев, ослабя настоящий воинственный дух и обратя деятельность их на предметы житейского состояния» [7, с. 508].

Итак, в своем творчестве С. Хан-Гирей уделил большое внимание теме хозяйственной деятельности и возможностям экономического развития адыгских народов. Он пишет о необходимости обновления хозяйственной культуры, развитии торговли, строительстве городов. Особо подчеркивается необходимость воспитания нового отношения к труду, повышения его общественного престижа и статуса. Лишь при этих условиях адыгские народы смогут развиваться по пути прогресса и экономического процветания.

Литература

1. **Кумыков Т.Х.** *Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX века.* – Нальчик: Эльбрус, 1991. С. 106–108.
2. **Хан-Гирей.** *Записки о Черкесии // Вступ. статья и подгот. текста к печ. В.К. Гарданова, Г.Х. Мамбетова.* – Нальчик: Эльбрус, 1992. 156 с.
3. **Историки** *экономической мысли России.* – М.: Наука, 2003. С. 90–97, 164–173.
4. **Ногмов Ш.Б.** *История адыгейского народа // Вступ. статья и подгот. текста к печ. Т. Х. Кумыкова/.* – Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 75.
5. **Вершигора А.Д.** *Хан-Гирей (1808–1842). Неизвестные страницы жизни и деятельности // Научная мысль Кавказа, 2001. № 2. С. 84, 86.*
6. **Российский** *государственный военно-исторический архив.* – Ф.90 – Оп.1. – Ед. хр. 112. Л. 223.
7. **Акты** *Кавказской археографической комиссии. Т. IX. С. 662.*

